

АЛТАЙ В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ ВЯЧЕСЛАВА ШИШКОВА

Автор «Угрюм-реки» и «Емельяна Пугачева», выдающийся советский писатель Вячеслав Яковлевич Шишков начал свой трудовой и литературный путь в Сибири.

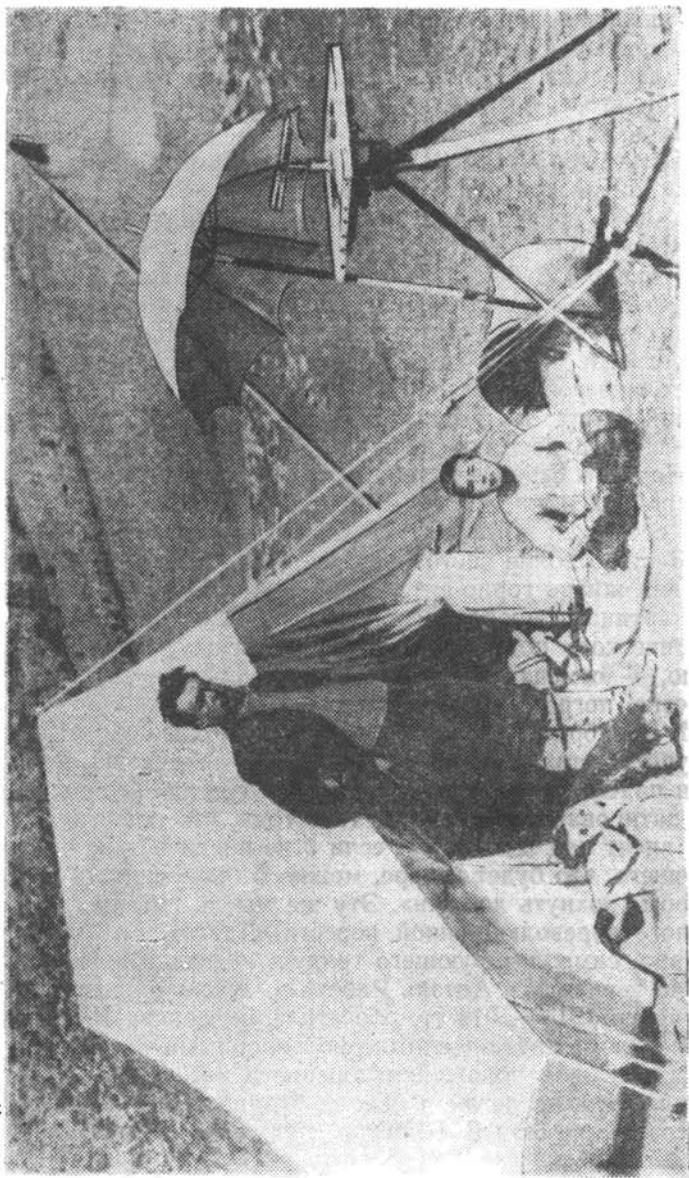
По окончании Вышневолоцкого строительного училища будущий писатель получил звание техника и, направленный в Томск в 1894 году, служил здесь в Управлении округа путей сообщения по рекам Западной Сибири вначале кондуктором, затем техником, часто выезжая в экспедиции на полевые работы.

С 1900 года, самообразованием пополнив технические знания и сдав соответствующий экзамен, В. Шишков получает право самостоятельного производства инженерно-строительных работ. С этого времени ему дают ответственные задания по обследованию, съемке и нивелировке сибирских рек.

Во главе изыскательных партий на Оби, Чарыше и Бие В. Шишков знакомится с природой и бытом жителей Алтая, посвятив ему впоследствии немало произведений.

Первым литературным опытом В. Шишкова были рассказы, которые он «прятал в стол, считая их неудачными». И когда в 1908 году была напечатана его символическая сказка «Кедр» — «радовался, как ребенок». Его ранние рассказы и очерки («Теща», «Дяденька», «На Бие» и др.) начали печататься в барнаульской газете «Жизнь Алтая» и «Алтайском альманахе».

Свое отношение к Алтаю начинающий тогда писатель выразил в одном из писем Г. Н. Потанину «Я люблю Ал-

В. Я Шинков в с Олгудай Горно-Алтайской области (1913)

Репортаж

тай крепко, — писал Вячеслав Шишков, — с каждым годом любовь моя растет, и не знаю, чем я возмещу Алтаю ту радость и счастье, которым он меня наделяет каждый день, каждую минуту. Если б я был поэтом, я воспел бы его, я бесконечно стал бы прославлять его красу и мощь».¹

В мае 1913 года В. Я. Шишков руководит так называемой Чуйской экспедицией, задачей которой явилось изыскание тракта в Монголию для расширения рынка сбыта русских товаров. Надо было спроектировать трассу от города Бийска до монгольской границы у Кош-Агача и решить вопрос — что экономически выгоднее: пробивать тракт через поднявшиеся в небо горные перевалы или строить его в обход пролежавших на пути перевалов, по долине реки Катунь? Последний вариант несколько удлинял путь; но зато сокращал капитальные затраты и облегчал трудоемкую работу.

Начатое строительство было прервано первой мировой войной и уже в наше, советское время Чуйский тракт был сооружен по проекту В. Я. Шишкова.

Весть о войне застала его партию в Онгудае. Тихая мирная жизнь горно-алтайского села сменилась тяжелыми картинами проводов мобилизованных на фронт. «Патриотического подъема, о котором всюду писалось, не было, — отмечал Шишков, — были слезы, проклятия, буйства, погром винных лавок».

В декабре 1914 года он пишет Ремизову: «Каким траурным стал для меня свет, точно на духовные глаза свои надел я темные очки». Он повторяет в другом письме, датированном 18 марта 1915 года, что война кошмаром висит над землей. «И если б не предчувствие чего-то хорошего, что будет вскоре, можно б было спятить с ума. А гром грохнуть должен». Эту же мысль мы находим в эпилоге дореволюционной повести «Тайга», в картине пожара, символизирующего грядущую революцию.

Но вернемся к Алтаю. Работа в Чуйской экспедиции в течение 1913—1914 гг. обогатила Вячеслава Шишкова жизненными наблюдениями, фольклорными записями и материалами о положении коренного населения Горного Алтая, которые легли в основу будущих произведений. По свежей памяти В. Шишков печатает в газете «Сибирь-

¹ Альманах «Алтай» № 10, 1957 год.

ская жизнь» путевые очерки «По Чуйскому тракту», пишет рассказы, вошедшие в цикл «Чуйские были».

Описывая Чуйский тракт, писатель говорит, что «весь бы этот тракт серебром можно было вымостить да золотом, что загребли-захапали купцы у алтайцев и монголов. Весь бы тракт можно слезами залить, что сочились из узких глаз полудиких, с чистою душой, кочевников, такой большой обидой и горем наделил их неистовый алчный хищник».

Лишенные широких социальных обобщений, «Чуйские были» в форме сказов однобоко изображают возмутительные факты грабежа, насилия и издевательств над алтайцами со стороны русских купцов и царских чиновников. Рассказы обходят факты классового расслоения и внутренние противоречия, раздиравшие алтайский народ не в меньшей мере, чем жадные хищники-купцы. Алтайцы показаны в «Чуйских былях» беспомощными жертвами одних только купцов, людьми наивными, не способными оказать им сопротивление.

О работе над «Чуйскими былями» В. Шишков писал в 1913 году: «Это серия мелких рассказов из быта знаменитых грабителей, сибирских купцов «чуйцев», что грабили монголов, алтайцев, а теперь вознесло их золото на верх жизни: все перед ними спины гнут, кругом почет, первые в Бийске люди... Алтайцы народ замордованный, уже тронуты культурой, боязливы, в старой своей вере не устойчивы, но все-таки хороши».

Это «все-таки хороши» определяет личные симпатии писателя, с болью и сочувствием писавшего о виденном вокруг. «Темы у меня не особенно веселые, — говорил он. — Страдать душой приходится, все переживать самому, чтобы ясно и отчетливо было видно чужое страдание, чтоб пересказать его ярко на бумаге и заразить читателя».¹ Потому «Чуйские были» трогали читателя своей гуманностью и сочувствием к «инородцам» и получили в Сибирских демократических кругах высокую оценку.

С огромным запасом жизненных наблюдений покинул писатель Алтай и вскоре, после 20-летнего пребывания в Сибири, переезжает в столицу, чтобы целиком посвятить себя литературному творчеству. Содержание многих на-

¹ А. Богданова, Вячеслав Шишков, Новосибирск, 1953.

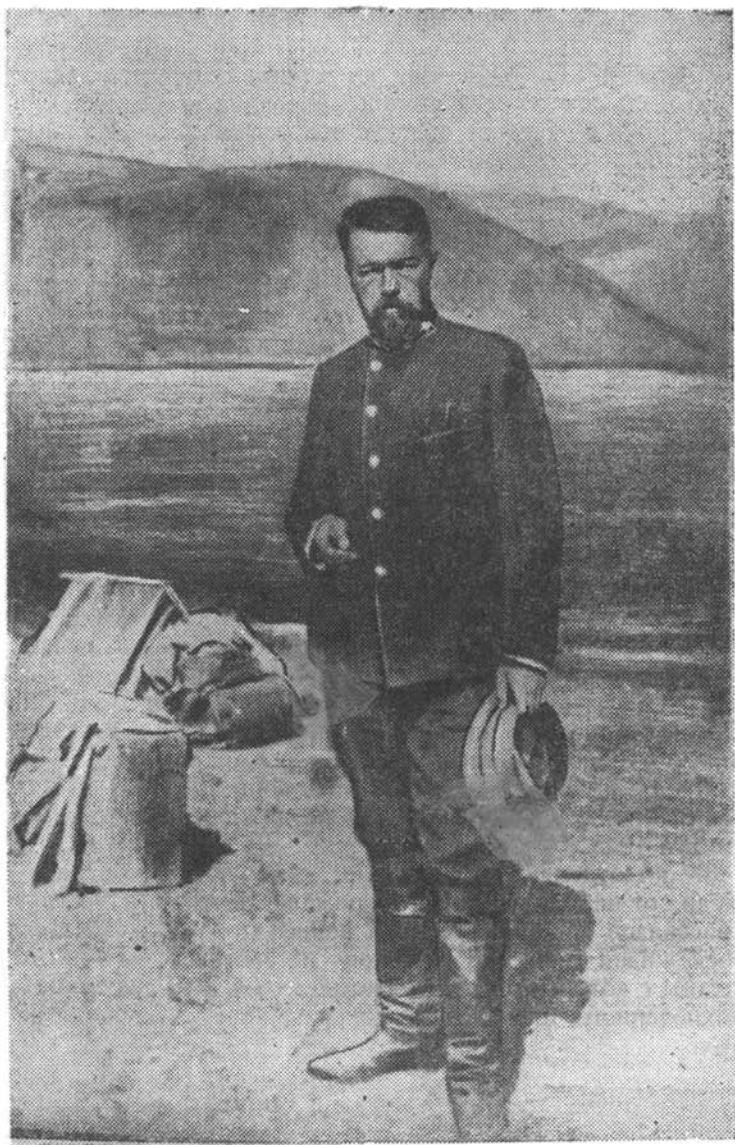
писанных им вне Сибири произведений в той или иной мере по-прежнему связано с Алтаем. Начатая еще здесь повесть «Тайга» была напечатана в журнале «Летопись» за 1916 год. Повесть рисует темные стороны жизни и быта таежной деревни, показывая одновременно зарождение новых сил, приветствующих «очистительный» пожар, ненавидящих социальную несправедливость и стремящихся революционным путем с нею покончить. Глухая сибирская деревня Кедровка изображена в повести в ее движении к лучшей жизни, к светлому будущему.

Дореволюционная повесть «Тайга», как и его лучшие ранние рассказы, определила литературную судьбу Вячеслава Шишкова, талант которого особенно расцвел после Октября. «Писателем-профессионалом, — говорил он о себе, — я стал после Великого Октябрьского переворота, когда почувствовал и осознал я себя полноправным членом и работником нового, молодого советского общества». Открылись новые горизонты. В советское время из Вячеслава Шишкова вырос крупный писатель, мастер социалистического реализма, сумевший создать такие впечатляющей силы книги, как «Угрюм-река», и «Емельян Пугачев».

О том, какое значение сыграла Сибирь в становлении писателя, В. Я. Шишков писал в автобиографии:

«Мои лучшие годы протекли в живом труде, среди разнообразной природы. Я видел всяческую жизнь, но судьба дала мне больше всего присмотреться к жизни простых людей. Я жил бок о бок с этими людьми, нередко ел из одного котла и спал под одной палаткой с ними. Перед моими глазами прошли многие сотни людей, прошли неторопливо, не в случайных мимолетных встречах, а нередко в условиях, когда можно читать душу постороннего, как книгу. Каторжники и сахалинцы, имевшие за плечами не одно убийство, бродяги, варнаки, шпана, крепкие кряжистые сибиряки, крестьяне, новоселы из России, политические и уголовные ссыльные, кержаки, скопцы, инородцы, — во многих из них я пристально вгляделся и образ их сложил в общую копилку памяти».

Покинув Сибирь, писатель не прекращал с нею связей, вел обширную переписку с алтайскими писателями Гребеншиковым и Исаковым, с этнографами Анохиным, Никифоровым и другими. И в последние годы своей жизни, в период Великой Отечественной войны, Вячеслав

В. Я. Шишков на Алтае (1914 г.)

Шишков, возмещая давнишний писательский «долг», часто возвращается к алтайской тематике.

В рассказе «Прокормим» приехавший из госпиталя домой на побывку фронтовик Иван Петров любитесь родным Алтаем. «Он благословлял горный ветер, что ласково обнимал его со всех сторон и шевелил его волосы, он благословлял вечернее солнце, что освещало серебряные шапки далеких гор, где даже в летнюю пору бушуют снеговые бури и куда редко залетают могучие орлы...»

Побыв неделю дома, Иван собирается в обратный путь. Он спрашивает стариков:

— Ну, как дела, как урожай-то? Прокормите фронт?

И-эх, милый, ваше дело воевать славно, вы воюйте покладней, а уж мы прокормим, об чем разговор, прокормим! — отвечал огромный, под потолок ростом, дед Андрон... Я насчет огня в сердце скажу... Есть такая присказка старозаветная: «Сумеешь, так и снег загорится, не сумеешь, так и карасин не всдохнет». Только воюйте! Воюйте, братцы, умеючи, а мы вам все дадим! Прокормим!»

Теме единства фронта и тыла посвящены и другие военные рассказы В. Шишкова: «Гость из Сибири», «Любопытный случай», «Дед Андрей», «Щедрая жертва». В этих рассказах писатель подчеркивает типические духовные свойства советских людей, беспредельно преданных Родине, делу партии коммунистов. «Сознание благородных, возвышенных целей борьбы, — писал В. Шишков, — в одном из военных очерков — и рождает невиданный героизм советских людей».

Писатель-патриот с первых дней войны верил в победу своего героического народа, но, не дождавшись ее, умер 6 марта 1945 года.

37 лет отделяют его первую символическую сказку «Кедр» от народной эпопеи — романа «Емельян Пугачев» и рассказов об Отечественной войне. До последних дней своей жизни Вячеслав Шишков не забывал «любимый Алтай», с которым связаны многие талантливые страницы вдохновенного творчества замечательного советского писателя.